

Нина ГОРЛАНОВА:

Что такое литература?

Жизнь за вычетом скудного

Известия. - 1998. - 18 апреля. - С. 6

Русскому писателю так жить нельзя. А Нина Горланова, более известная в Москве, нежели в своем родном городе, так живет. Литература — это ее личный выбор. Кому-то из коллег повезло больше — со славой пришли деньги, достойный быт, возможность дать образование детям, которых у Горлановой четверо и которым, кроме слова доброго, дать ничего не может. Она донашивает за московскими друзьями вещи и ждет обещанных гонораров из журналов.

Горланова — писатель-реалист в самом прямом смысле этого слова. К счастью, от певцов «чернухи» ее отличает искренняя вера в русского человека, в строящуюся «небесную» Пермь, в то, что все будет хорошо.

— Сегодня вы — автор трех книг. Повесть «Любовь в резиновых перчатках» удостоена первой премии на Международном конкурсе женской прозы. О «Романе воспитания» говорили еще больше — ведь он попал в шорт-лист Букеровской премии-96. Вы не только замечены, но и обласканы столичной критикой. Почему бы не перебраться в столицу?

— На волне Букера мне предлагали переехать и работать в феминистском издательстве при ПЕН-центре. Но здесь, в Перми, я со всеми на «ты», пережила, как и большинство, голодные советские годы, я понимаю своих земляков. Сама живу трудно: в коммуналке, с соседями-пьяницами, с потолка течет, денег никто не платит. Но это тот город, в котором я могу быть собой, и я хочу о нем писать. Кому я в Москве родная душа?

— А может быть, укатили сивку крутые горки?

— Из Перми уехал писатель Анатолий Королев. У него была энергия вырваться и реализовать в Москве. А я-то родилась не в Перми, а в поселке. И знаю, какие были мои первые рассказы? В трехлетнем возрасте я объясняла про восемь способов приготовления самогона. Получалось, видимо, очень смешно, поскольку приходила слушать вся деревня.

В детстве меня окружала не-

легкая жизнь. И мне мечталось: вот закончу университет, буду с утра читать Пастернака, а вечером — Блока. Моя жизнь, моя профессия — это мой выбор. Я сознательно обратилась к литературе, которая не принесла мне денег. А ведь я еще рисую, нужны краски.

Три моих брата живут простой земной жизнью с гаражами, машинами, дачами, и только я одна не смогла материально себя обеспечить. Я — интеллигент в первом поколении. Это когда уже нет помощи от земли и еще нет помощи от людей, близких к власти. Получается, что моей энергии хватило как раз на то, чтобы вырваться из деревни в Пермь.

— Скажите, а здесь не скачивается энергетика ссыльного места? В знаменитой зоне «Пермь-36» сидели политзеки Буковский и Щаранский, рядом с ней находится немало заброшенных сталинских лагерей.

— Мои дочери ходят в походы и на севере области встречают следы той катастрофы: от костей человеческих до истлевших ватников. У них даже есть легенды про духов погибших ссыльных.

«Подземная» Пермь сильно растрожена, и ее аура будет долго преследовать новую жизнь. Между тем строится «небесная» Пермь. И ее основателями можно считать «космополитов», которые, опять же не по своей воле, осели тут в 50-х.

Сегодня активно работает фонд «Юртин», издающий книги совсем молодых авторов. Мы в их возрасте и не мечтали быть изданными.

— Люди постепенно оттаивают?

— Пермь — город очень непростой. Наступившие перемены раскрепостили людей. Некоторых настолько, что впору вспомнить слова Достоевского: широк русский человек, я бы его сузил. Приступы пермской широты иногда малообъяснимы. Например, моя знакомая при детях и приличном муже кидается в петлю от большой любви к пьянице, никудашному человеку.

Или еще пример. В нашем доме гостили московские писатели — Павлов, Басинский и Варламов. И Олег Павлов рассказывает, как его просили японцы для фильма выпить с бомжами, с теми героями, про которых он пишет. Павлов наотрез отказался. А сидящий рядом мой друг Киршин сказал: а я бы согласился. Пермь порой отличается настоящей бесшабашностью. Я не хвалю такую широту, я понимаю, откуда она взялась. Слишком долго давили, слишком резко расправлялись, и чрезмерная импульсивность стала теперь нашей чертой.

— В своей прозе вы отталкиваетесь от реального факта, от реального человека. Как реагируете на прототипы?

— После публикации повести «Любовь в резиновых перчатках» некоторые узнали себя в так называемых отрицательных персонажах и рассорились со мной. Хотя я максимально замаскировала героев: брюнеты стали блондинами, высокие — низкими, секс превратился в катание на санках, и все равно все узнали себя.

Честно говоря, я не готова к такой реакции. Я ведь христианка и не должна осуждать. Осуждать

— значит не верить в суд Божий. Так один священник объяснял моей дочери Агнии: нельзя говорить — лжец, надо сказать о поступке, человек оступился и солгал. А припечатывать никто не имеет права.

— В «Романе воспитания» вы рассказали о годах жизни с приемной дочерью. Прошло много лет, вы можете теперь объяснить, зачем вы взяли чужого ребенка?

— Я очень любила Наташу и искренне хотела помочь девочке, которая в шесть лет воровала пакеты с вермишелевым супом, чтобы накормить себя и двухлетнюю сестру. Родители-алкоголики детьми не интересовались. Я, став опекуном, учила ее английскому и рисованию. В 12 лет у нее состоялась всеобщая выставка. Вообще занятия живописью были единственным средством воспитания, которое действовало. Я предлагала посчитать конфеты. Если 4 конфеты стоят восемь копеек, она тут же все сообразала. Вдруг приходит ее родная тетка, обещает джинсы, которые я не могла купить ни себе, ни детям, и Наташа уходит. Позднее в роно она объясняла, что мы с мужем пили, ее били и т.д.

Тетка через какое-то время отправляет ее в детдом, а спустя четыре года 16-летняя Наташа возвращается в нашу коммуналку хозяйкой комнаты и иначе, как суккой, меня не называет. Она не простила мне, что я не взяла ее из детдома, я же не могла простить ее предательство.

В детдоме она хлебнула по полной, и с горючей Наташа стала интердевочкой. Страшные месяцы я прожила с Наташей, пока она, продав комнату, не уехала в Германию. Теперь там снова пьяницы, и жизни нет. Этот роман с купюрами увидел свет в «Новом мире». Мне бы хотелось его опубликовать полностью. «Издательство Сабашниковых» колеблется по

своим причинам, а я, честно говоря, думаю: пока не прощу Наташу, книга не выйдет.

Что такое литература? Жизнь за вычетом скудного. Скуки и мрачных тонов стараемся избегать, отсюда легкость.

— Герб Перми — медведь, несущий Евангелие. Насколько, с вашей точки зрения, серьезно нынешнее религиозное возрождение?

— Ничего серьезнее этого нет. Если ты сделаешь к Богу один шаг, он к тебе — сто шагов. Пусть говорят, что мода, пусть остаются в душе вопросы, но люди стали задумываться о духовной опоре. Конечно, вера — не гарантия от социальных потрясений. Как сказано в священных книгах: не мир спасется, но человек. Спасение человека — в его выборе. В этом мудрость жизни. И слава Богу, что не на кого сердиться.

— Скажите откровенно, вы не разочаровались в людях?

— Нет. В отличие от Бродского, сказавшего, что лучшее у нас — это язык и литература, я думаю, что лучшее в России — это святые, добрые сердца, это талант дружбы, который дорогого стоит. Наш менталитет не надо отбрасывать, не надо ломать через колено, утверждая западный стиль отношений. Пусть наши взгляды на человеческие отношения останутся с нами и в новой жизни. На Западе такого нет. Так говорят те, кто эмигрировал в Израиль и в США. В течение десяти лет мой муж преподавал иврит, и через наш дом прошла вся пермская эмиграция. Взрослые не смогли адаптироваться и скучают без искренности и душевной поддержки, которую они могли найти у себя на родине. Остаться самим собой — самое ценное в жизни.

Наталья СЕЛИВАНОВА.
ПЕРМЬ—МОСКВА.